

Информация для цитирования:

Вальянов Н. А. «Сибирский текст» в художественной традиции М. А. Тарковского : поэтика хронотопа и образ героя / Н. А. Вальянов // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 246—269. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-246-269.

Valyanov, N. A. (2026). “Siberian Text” in Literary Tradition of M. A. Tarkovsky: Poetics of Chronotope and Figure of Hero. *Nauchnyi dialog*, 15 (3): 246-269. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-246-269. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**«Сибирский текст»
в художественной традиции
М. А. Тарковского:
поэтика хронотопа
и образ героя**

Вальянов Никита Александрович^{1,2}
orcid.org/0000-0002-0005-1372
кандидат филологических наук,
кафедра мировой литературы
и методики ее преподавания
nick.valyanov@yandex.ru

¹ Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева
(Красноярск, Россия)

² Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

**“Siberian Text”
in Literary Tradition
of M. A. Tarkovsky:
Poetics of Chronotope
and Figure of Hero**

Nikita A. Valyanov^{1,2}
orcid.org/0000-0002-0005-1372
PhD in Philology, Department of World
Literature and Teaching Methodology
nick.valyanov@yandex.ru

¹ Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafyev
(Krasnoyarsk, Russia)

² Russian Christian Academy for
Humanities
named after Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу поэтики «сибирского текста» художественного мира Михаила Александровича Тарковского как одного из заметных представителей современной русской прозы. Материалом исследования послужили художественные произведения сибирского автора: рассказы и повести, вошедшие в сборник «Избранное» (2014), роман «Тойота-креста» (2017). Впервые предлагается опыт литературоведческого осмысления творчества писателя в контексте выбранной проблематики. Выполнен обзор ключевых академических подходов к пониманию «сибирского текста» в актуальном литературоведении. Проанализированы особенности «сибирского текста» писателя через призму важнейших художественно-эстетических констант: хронотопа и литературного героя. Установлено, что хронотоп сибирской тайги и образы персонажей определяют идиллическую модель мироздания в авторском повествовании. Выявлено, что писатель предлагает новую парадигму осмысления Сибири, которая вступает в противоречие с устоявшимся в классической литературе (Ф. Достоевский, Л. Толстой, А. Чехов) восприятием этой территории как места ссылки — пространства с inferнальной или лиминальной семантикой.

Ключевые слова:

Михаил Тарковский; современная проза; сибирский текст; образ героя; хронотоп.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article undertakes a comprehensive analysis of the poetics of the “Siberian text” within the fictional universe of Mikhail Alexandrovich Tarkovsky, a prominent contemporary Russian prose writer. The research is based on a selection of the author’s works, including short stories and novellas featured in the collection “Selected Works” (2014), as well as the novel “Toyota-Cresta” (2017). This study represents the first attempt at a scholarly interpretation of Tarkovsky’s oeuvre within the framework of this specific thematic discourse. A critical review of major academic approaches to the concept of the “Siberian text” in contemporary literary studies is provided. The article examines the distinctive features of Tarkovsky’s “Siberian text” through the lens of fundamental artistic and aesthetic constants, notably chronotope and literary hero. It is established that the chronotope of the Siberian taiga and the portrayal of characters underpin an idyllic model of existence within the author’s narrative. Furthermore, it is argued that Tarkovsky proposes a new paradigm for conceptualizing Siberia, one that stands in contrast to the traditional perception of this territory in classical literature (e.g., Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov), where it is often depicted as a place of exile — a space imbued with infernal or liminal semantics.

Key words:

Mikhail Tarkovsky; contemporary prose; Siberian text; figure of the hero; chronotope.

УДК 821.161.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-246-269

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

«Сибирский текст» в художественной традиции М. А. Тарковского: поэтика хронотопа и образ героя

© Вальянов Н. А., 2026

1. Введение = Introduction

Устойчивый интерес современных славистов к геопоэтике [Замятин, 2004] как одному из ключевых направлений современного литературоведения порождает ряд исследований, посвященных изучению *локального текста* [Геопоэтика ..., 2016] с его внутренней семантико-семиотической структурой. С указанным литературоведческим термином понятийно соотносимы термины *местный колорит* («воспроизведение в художественной литературе особенностей национального быта, пейзажа, языка, свойственных сугубо определенной местности или области» [ЛЭС, 1987, с. 217]) и *региональная литература* (к ней относят художественные произведения, «концентрирующие свое внимание на изображении определенной местности (обычно сельской) и людей, ее населяющих» [ЛЭТП, 2001, с. 864]). В локальном тексте русской литературы, по мнению Т. А. Богумил, утверждается либо *критерий места*, выражающий биографическую связь автора с пространством, либо *тема*, представленная географически окрашенным образно-мотивным комплексом; отмечается, что «... в круг региональной словесности вовлекались либо произведения, написанные на любую тему, но уроженцем края, либо посвященные региону ...» [Богумил, 2017, с. 3].

Известные в отечественном литературоведении подходы к определению понятия *сибирского текста* порождают как общность, так и неоднозначность толкования этого феномена. Возникновение сибирского текста как территориального (вслед за петербургским текстом, по определению В. Топорова [Топоров, 1995]) определило его статус как «политекстуального единства, складывающегося вокруг топонимов высокой культурной значимости» [Тюпа, 2011, с. 122]. Иной литературоведческий подход определяет сибирский текст как «аутентичную локальную словесность, катализатором которой служит территориальная идентичность» [Сибирский текст ..., 2010, с. 3]. Не исключено, что указанные подходы являются взаимодополняющими, поскольку сибирский текст, с одной стороны, представ-

ляет собой «огромный массив текстов о Сибири», а с другой, — предполагает «опыт становления сначала местной рукописной, а затем и литературной в собственном смысле традиций» [Сибирский текст ..., 2010, с. 3].

А. С. Янушкевич, рассматривая проблему сибирского текста в русской словесности, отмечает, что «семантическая насыщенность Сибири как историко-культурного ландшафта обусловила амбивалентность и диалектичность» его структуры, а в исследовательской перспективе это породило дискуссию о границах и объеме самого понятия [Янушкевич, 2004, с. 227]. Одни предполагают, что это литература «родившаяся в недрах Сибири и созданная «природными сибиряками», другие склонны полагать, что сибирскую литературу необходимо рассматривать как «органическую часть общероссийской культуры» [Янушкевич, 2004, с. 228].

Устоявшиеся представления о Сибири, обретшей в отечественной литературной традиции «характеристики и свойства мифологической страны мертвых» [Тюпа, 2002, с. 27], оказываются противоречивыми утверждению славистов о том, что избранная мифологема наделяется «витальной» атрибутивностью, функционально связанной с мотивом воскрешения, сюжетами внутреннего перерождения. Эти положения развивает Ю. Лотман в известной работе «Сюжетное пространство русского романа». По мнению структуралиста, «...сюжетное звено смерть — ад — воскресение в широком круге русских сюжетов подменяется другим — преступление (подлинное или мнимое) — ссылка в Сибирь — воскресение» [Лотман, 1997, с. 723—724]. В ряде классических текстов последней трети XIX века (Ф. Достоевский, Л. Толстой, А. Чехов) Сибирь репрезентируется как пространство инициации — «чистилище», пройдя через которое герой обретает новый духовно-социальный статус [Лотман, 1997, с. 724—725; Тюпа, 2006].

Множественность теорий сибирского текста, с одной стороны, обусловила полемичность подходов в актуальном сибиреведении, с другой — предопределила их исследовательскую разнородность. Пространство Сибири рассматривается как *место каторги и ссылки*, неизмеримо влекущее смерть [Тюпа, 2002], как *земной рай / «благословенная земля»* [Габдуллина, 2015], как *новая Атлантида* или *утопические Китеж и Беловодье* [Ковтун, 2009]. Основательно подчеркнутый дуализм семиотической природы сибирского текста организует спектр культурных представлений о мифологеме Сибири: от инфернально-негативного до утопически позитивного.

Как отмечает К. В. Анисимов, подобная «семантическая “вибрация” <...> от идеи “чужого” как “ада” к “чужому” как “раю”, от условного “умерщвления” героя к условному его “оживлению” составляет суть двуединой “сибирской” мотивно-образной парадигмы. Подбор прочих, част-

ных, мотивов зависит от авторского самоопределения в рамках этой анти-тезы» [Анисимов, 2007, с. 68].

На формирование и становление сибирской словесности, её литературной эстетики особое влияние оказали писатели-классики: от традиции Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, где звучат мотивы духовного воскресения человека через страдание, приобщения к Сибири как пространству, наделенному сакральным статусом, тема постижения Бога [Габдулина, 2016], к художественному опыту А. П. Чехова — с его авторской установкой на преодоление устойчивых культурных стереотипов, демифологизацию образа Сибири, «реконструкцию» сибирского пространства в его целостности [Макарова, 2011, с. 270]. «Особость» пути Сибири и её дальнейшего развития отмечали «старшие» областники — Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин, усмотревшие в ее «неправильности» и «отсталости» значительный ресурс для «трансформационного прорыва» России, который позволит занять имперскому государству лидирующие позиции среди западных и восточных держав [Горбенко, 2023, с. 107]. В этом контексте необходимо отметить и художественное влияние Г. Д. Гребенщикова [Маркина, 2016, с. 96—102], который определяет Сибирь («страну двух народов») как пространство, где должно возникнуть «теснейшее культурное единение самых великих наций и где дружески протянут друг другу руки Восток и Запад» [Гребенщиков, 2002, с. 15]. В художественной поэтике С. Залыгина («На Иртыше», «Комиссия», «После бури») отражение сибирской тематики обусловлено жизненным материалом, который «породил картину мира, вариант культурной модели национального и человеческого бытия [Ковтун, 2008], то, что может быть обозначено “сибирским текстом о национальной и человеческой истории”» [Рыбальченко, 2004, с. 97].

Репрезентация художественной словесности Сибири в актуальном литературоведении обширна. Как отмечает Н. В. Ковтун, *сибирский миф* разворачивается в национальной литературе коренных народов, концептуализируется в локальных текстах русской культуры («сибирский текст», «северный текст», «алтайский текст»), наконец, представлен через постановку крупнейших писателей в парадигму общенациональных деятелей культуры [Комаров, 2016] — от А. Вампилова [Плеханова, 2016], В. Астафьева [Разувалова, 2014], В. Распутина [Анисимов и др., 2014; Ковтун, 2017] до М. Тарковского [Вальянов, 2020], А. Антипина [Брюханова, 2025].

Для поэтики М. А. Тарковского характерна традиционалистская концепция литературно-эстетического восприятия Сибири. М. Тарковский рассматривается нами как представитель современной традиционалистской прозы, последователь художественной традиции писателей-«деревенщиков» (прежде всего, В. Астафьева и В. Распутина). Об этом

см. труды: [Вальянов, 2020; Ковтун, 2017; Степанова, 2017]. Писатели-традиционалисты не случайно связывают перспективу исхода из «секулярного ада современности» с образом русского Севера, Сибири. Из географического места Сибирь превращается в понятие «нравственное, сулящее какое-то неясное, но желанное обновление» [Распутин, 1994, Т. 3, С. 7—9]. Мифология Сибири связана с представлениями об исключительности, метафизическом статусе самого места, изначально свободного от чужеземного и государственного ига, от власти стяжательства и нигилизма. Сибирский миф развернут в текстах В. Астафьева (новеллы «Уха на Боганиде», «Сон о белых горах» в «Царь-рыбе», 1972—1975), В. Белова, В. Распутина, В. Личутина [Ковтун, 2017]. «Инфернальные» контексты повествования — известные в русской литературе образы тюрьмы / каторги, мотивы страдания — сменяются идеей паломничества. В прозе В. Г. Распутина посещение Сибири приравнивается к *хождению в святые земли* : «...гордятся одним лишь быванием в Сибири, подобно тому, как прежде гордились и обольщались походом в святые места <...>»; «...возвращение к Сибири <...> дарует надежду на будущее» [Распутин, 1994, с. 272—278].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования — проанализировать особенности поэтики «сибирского текста», представленной в художественной прозе М. Тарковского.

Предмет исследования — особенности хронотопа и специфика образа литературного героя, определяющие идиллическую модель художественного мироздания сибирского писателя.

Объект исследования — «сибирский текст» художественной прозы писателя.

Материалом исследования являются рассказы и повести писателя, вошедшие в сборник «Избранное» (2014), роман «Тойота-креста» (2017).

Методология исследования включает аспектный анализ художественного текста, сравнительно-сопоставительный метод, мифопоэтический анализ.

Теоретической основой статьи послужили ведущие литературоведческие работы, посвященные исследованию проблематики сибирского текста [Анисимов, 2007; Тюпа, 2002; Тюпа, 2006; Янушкевич, 2004]; изучению литературы Сибири [Брюханова, 2025; Горбенко, 2023; Плеханова, 2016], исследованию «деревенской» прозы и традиционализма [Ковтун, 2017; Разуvalова, 2015] как актуального вектора развития литературного процесса второй половины XX века — начала XXI веков; литературного творчества М. А. Тарковского [Вальянов, 2020; Митрофанова, 2009].

Далее в работе осуществляется выявление поэтических особенностей «сибирского текста» прозы М. А. Тарковского, проводится анализ хроното-

па и образа героя как художественно-эстетических категорий, определяющих идиллическую модель творческого мироздания современного сибирского писателя.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

М. А. Тарковский — один из заметных представителей современной отечественной литературы, чье творчество исследователи относят к русской традиционалистской прозе, апеллирующей к идейно-тематическим, сюжетно-мотивным, образно-художественным контекстам «деревенской прозы», ставшей, по сути, её основанием [Ковтун, 2017; Цветова, 2007]. Указанный термин — *русская традиционалистская (традиционная) проза* — мы используем вслед за Н. В. Ковтун и Н. С. Цветовой, см.: [Ковтун, 2009; Ковтун, 2017; Цветова, 2007; Цветова, 2018]. Представителей «деревенской прозы» мы упоминаем как писателей-традиционалистов.

В отличие от писателей-традиционалистов (Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, А. Солженицын, В. Шукшин), в художественном мире которых ключевой представлена бинарная пространственная оппозиция *город* ↔ *деревня*, в поэтике М. Тарковского репрезентируется тернарная структура: *город* ↔ *деревня* ↔ *тайга* [Вальянов, 2020; Степанова, 2017]. Представленная схема определяет сюжетное перемещение героев, следовательно, модели их культурного поведения и ценностные установки. Следовательно, классический в художественном наследии традиционалистов *конфликт центра и периферии* в прозе современного писателя сохраняется, однако усложняется его семантика, меняется авторская точка зрения.

3.1. Особенности сибирского хронотопа. Тайга как избранное пространство. Хронотоп Енисей

В художественном мире М. Тарковского представлено несколько типичных моделей жизнеустроения. Первая пространственная модель *деревня* → *город* идеологически отражает проблему национального самосознания, развивает и логически продолжает проблематику художественных текстов поздней «деревенской прозы» — в ситуации, когда герой покидает отчий дом с целью утвердиться в пределах «гремлинов цивилизации», однако обрекает себя на добровольное бродяжничество и сиротство. Подобные мотивы встречаем у позднего В. Шукшина, В. Астафьева, В. Распутина. В границах указанной жизнеустроительной модели в поэтике М. Тарковского особое внимание акцентируется на архетипическом образе блудного сына («Стройка бани», 1999; «Петрович», 2001).

Вторая характерная модель жизнеустроения, репрезентируемая в творчестве современного сибирского писателя, — *деревня* → *город* → *деревня* (*тайга* → *город* → *тайга*). Сама перспектива возвращения указывает на

способность возможность героев обозреть собственный жизнестроительный путь, осмыслить непосредственно ценность и необходимость возвращения в пространство сибирской деревни (или тайги — что является более характерным и принципиальным для самого автора), осознать жизненное предназначение. В рассказе «Замороженное время» (2004) Валя открывает смысл жизни в любви и заботе о будущей семье и родной обители, куда вновь возвращается идиллия, в отношениях между Гошей и Валею наступит гармония, пространство дома оживает, в нем снова теплится жизнь. Финальный фрагмент повествования отражает семейно-идиллическую модель мироздания: «Ночью лежали накормленные собаки в будках, лодка темнела кверху дном у ограды, оббитый об кедровые «буранишко» с измочаленными в наледях гусеницами стоял, как брат, укрытый брезентом. Котя, угнездившись в ногах, тархтел смешным кошачьим дизельком, и ровно дышала, положив голову на Гошину грудь Валя, и сам Гоша спал спокойно и счастливо, потому, что все, без чего нельзя жить, было наконец подтянуто к дому» [Тарковский, 2014, с. 138]. В таежную деревню Бахту возвращается Петрович («Петрович», 2001). В тайгу от равнодушного города по велению сердца «смотреть красоты» сбегает Прокопич («Енисей, отпусти!», 2006), осознающий, что там, в таежной глуши, где «Бога больше», «он только и был самим собой» и «все главное протекало в этой тайге» [Тарковский, 2014, с. 284]. Главным образом к деревенскому быту привязаны женщины, к таежному — мужчины — охотники и промысловики; об этом М. Тарковский размышляет в повести «Енисей, отпусти!»: «В деревне каждый больше, чем просто мужчина или женщина, и острее раздел: та даль, что за оградой, — хозяйина, а та, что внутри, — хозяйкина, и чья бездонней — еще поглядеть. Если добытчик мужик, вся окрестность, как брага, на него работает и к горловине дома стекается, а уж перегнать ее да на любви-заботе настоять — это хозяйкино дело» [Тарковский, 2014, с. 286].

Третья ключевая модель *город* → *деревня / тайга* представлена автором как диаметрально противоположная первой, о чем свидетельствует биографический опыт М. Тарковского. Уникальность судьбы московского интеллигента, по воле случая ставшего известным писателем, отражает историю жизни его центрального персонажа (по сути, *ego* самого автора) — интеллектуала, книжника, перемещающегося в заповедное пространство сибирской тайги (рассказы : «Ветер», 1995; «Охота», 1998; «Ледоход», 2001; «Осень», 2001; повести : «Лерочка», 1999; «Шыштындыр», 2000; «Фундамент», 2004).

Ситуация перемещения из интеллектуального / культурного пространства в пределы необитаемого / неосвоенного / чужеземного определяет своеобразную установку на «жизнестроительство». Биографический опыт

писателя, переехавшего в 1986 году из Москвы в северно-таежное поселение Бахта Красноярского края, в художественно-метафорическом смысле определяет *миф о покорении Сибири*. В этом отношении примечательной в прозе М. Тарковского (повесть «С высоты», 2001) является история охотника и писателя Игната Кузнецова (сосланного на поселение в Сибирь), развернутая в сюжет инициации: среднерусский крестьянин, интеллигент, зрит сибирское раздолье и, «едва не спятив от изобилия зверя и рыбы, благодарит судьбу за подарок и, засучив рукава, берется за дело» [Тарковский, 2009, с. 158].

Тайга как избранное пространство. Топос первозданной сибирской тайги в художественном представлении М. Тарковского наделяется сакральными, идиллическими признаками, что, собственно, принципиально, отличает его прозу от текстов классической литературной традиции. Сибирь — это не «мертвое», пустое и «безжизненное» пространство, наделенное приметамы лиминального топоса. Напротив, это «край самого главного», где «<...> так манит все неуловимое, вроде сладкого дыма» [Тарковский, 2014, с. 309], тайга словно становится своеобразным «брендом» енисейской Сибири. Пространство сибирской тайги — ключевое в авторской модели мира, и представлено оно достаточно разнопланово; подробнее об этом см.: [Вальянов, 2020].

Тайга — это место труда. В основном корпусе художественных текстов писателя отражены «бытовые» сюжеты — строительства («Фундамент», «Стройка бани»), охоты («Осень», «Охота», «Вековечно»), рыболовства («Дед», «Енисей, отпусти», «Туристы»), персонажи занимают обустройством тайги, «одомашнивают» природный мир, приручают, делают его «своим». Труд на земле, по сути, и становится в тайге мерилем жизни, что дает герою опору, ощущение незыблемости бытия. Возвращающийся в тайгу Павел размышляет в самолете о том, как ему придется возобновить прежнюю таежную жизнь: «Он вспомнил, как когда-то <...> насаживал отцовский топор на новое топорщице, как держал его, гладкое и белое, на весу топором вниз, постукивая по торцу, и как волшеббно-послушно карабкался по топорщицу при каждом ударе топор. Он думал о том, как скоро вернется былая и зыбкая устойчивость его жизни, дающаяся только каждодневным мужицким трудом, и о том, что только от этого труда и зависит его душевное равновесие» [Тарковский, 2014, с. 209]. Труд определяет тесную и нерушимую связь с тайгой. Человеку остается «в рукопашной схватке с работой, замесив в одно соленое тесто снег, опилки, кровь, рыбью слизь, бревна и соляренный выхлоп, надеяться, что заметит небо твой грубый хлеб и в один великий вечер так одарит закатом, что не останется сомнения — признало» [Тарковский, 2014, с. 310]. В рас-

сказе «Охота» явлен образ труженика Тимофея, который «любил живое дерево» и «все делал сам»: ему нравились бревенчатые стены, струганные доски, лавки, лодки [Тарковский, 2014, с. 65]. Пафос текстов названной проблематики, безусловно, отсылает к натурфилософской / онтологической прозе, прежде всего, связанной с традициями охотничьих рассказов (М. Пришвин, Ю. Казаков, Ю. Нагибин), а также с произведениям С. Залыгина («Комиссия», 1976), В. Астафьева (от «Стародуба» до «Царь-рыбы»), В. Распутина (от «Прощания с Матёрой» до рассказов 1990-х годов), своеобразно коррелирует с текстами «нового реализма» («Зона затопления» Р. Сенчина, малая проза А. Антипина, А. Байбородина).

Для автобиографического героя пределы тайги ассоциируются с пространством инициации, где возможно постижение сакрального опыта. Мужской труд на земле становится особым испытанием — в новом, осваиваемом сибирском пространстве герой преобразуется: трансформируется его жизненный взгляд, меняется отношение к людям, животным, судьбе — обретается мудрость. В стремлении к внутреннему покою, гармонии и красоте, что в пределах художественной философии писателя отражает истину в сознании персонажей, рождается избранный герой — профессиональный охотник, промысловик, пути которого открываются в инопространство. В пределах тайги — дикой, нетронутой, девственной — закон открывается лишь посвященным, избранным. Сакральность сибирского пространства принципиально подчёркнута — тайга представляется раем, явление в таежные пределы знаменуется огромными воротами, «отстоявшими и окрепшими в воображении», вхождение в которые становилось ритуалом, посвящением: «<...> казалось, когда он войдет в них по-настоящему, сотрясут все его существо до самых глубин <...>» [Тарковский, 2014, с. 283].

Не менее важной оказывается авторская идея о воплощении топоса тайги как исповедального пространства, куда герои стремятся, чтобы очистить душу от повседневной скверны, это место самоопределения, открытости Богу. Внутренние открытия, совершаемые героем, напоминают своеобразную исповедь, в которой «будто в светящемся коридоре» устилается сокровенное прошлое. Примечательна в этом контексте история Прокопича («Енисей, отпусти»), чья судьба ретроспективно вкраплена в ход литературного повествования: «Прожил он долгую и трудную жизнь <...> с первой женой прожил он несчастливо и расстался <...> Позже встретил и полюбил другую женщину, но и с ней долгих отношений не вышло <...> оставил тайгу и все, в ней нажитое, и уехал в город» [Тарковский, 2014, с. 272]. Истиной становится только «совесть, память и то, как укладывается неподъемная бухта жизни в сердце и голове» [Тарковский,

2014, с. 278]. Подобным образом организуется сюжет повести «Стройка бани» (1998): возведение истопки сопровождается воспоминаниями Ивана, ожидающего возвращения в отчужденную обитель единственного сына Сереги, покинувшего тайгу и отправившегося в поисках лучшей жизни в город. «Серегино письмо как обычно растрожило, напомнило о том, о чем Иваныч старался не думать, о том, что сын уже несколько лет живет в городе, живет совсем по-другому, и все то, на что Иваныч положил жизнь, ему попросту не нужно <...> и вся жизнь Иваныча рассыпается и требует теперь особенной внутренней собранности» [Тарковский, 2014, с. 145—146]. В памяти старика оживают фрагменты идиллической жизни с женой и сыном, облегчающие неумное одиночество опытного таежника. Возвращение в прошлое помогает Иванычу достроить баню как символ надежды на скорое возвращение наследника. Сибирский колорит, представленный автором в описании ряда эпизодов таежной природы, усиливает значение пространства в сознании повествователя и героя, возводя его в высшую ценность — Абсолют. В философии творчества Тарковского маркирована знаковость природы: это «самый простой язык, на котором небо разговаривает с людьми» [Тарковский, 2014, с. 83]. Искренний диалог между человеком и природой — вот что рождает проза М. Тарковского. Направляя своих персонажей в пределы первородной тайги, которой они беззаветно служат, автор словно сподвигает их на исповедальный, молитвенный разговор с мирозданием. Иваныч, опасаясь собственных дурных мыслей (быть искушенным и обольщенным женской телесностью и красотой), признается себе, что именно в тайге, наедине с самим собой, «обязан только этой минутой отчаяния, единственным достоинством которой было сознание того, что никто никогда не узнает, о чем он думал» [Тарковский, 2014, с. 178]. В этом смысле знаковыми оказываются финальные фрагменты художественного повествования, где читатель как свидетель приобщается к размышлениям-истинам повествователя: о смысле жизни и смерти («Каждому свое», «Вековечно»), о бесконечной любви к природе («Охота», «Осень»), о благодарности судьбе («Замороженное время»), о ценности труда («Фундамент», «Стройка бани»), о глубине и противоречии человеческой натуры («Дед»), о любви и семейных ценностях («Таня», «Осень», «Замороженное время», «Ложка супа»).

Тайга наделяется приметамидиллического топоса, где герой находит гармонию с собой и природным миром. А. Митрофанова замечает: «Мир, который создает Михаил Тарковский, — мир идиллический. Его главные составляющие: особенный хронотоп, признание природы как великого хозяина и родного дома, незыблемая крепость человеческих отношений, физический умелый труд, семейное тепло, свободное суще-

ствование исполненного достоинства человека» [Митрофанова, 2009, с. 432—438]. Семейно-бытовая идиллия, выстроенная в прозе сибирского писателя, как отмечает исследовательница, совпадает с положениями об идиллическом хронотопе, сформулированными М. Бахтиным: «Идиллический хронотоп представляет пространство, прикрепленное к родному дому; в этом ограниченном мире проходит жизнь нескольких поколений, незаметная смена которых снимает переживание трагизма бытия, связанное с осознанием быстротекущего необратимого времени и непреодолимое для индивидуалистического сознания» [Бахтин, 2000, с. 158].

Хронотоп Енисея. Художественное воплощение образа сибирской реки — могучей, величественной, многоводной — в прозе М. Тарковского продолжает традиции В. Астафьева, который конструирует собственное предание об Енисее, наделяя его мифопоэтической семантикой, героическими мотивами, «эпическим» колоритом («Последний поклон», «Царь-рыба»).

Следуя «литературным» заветам предшественника, М. Тарковский обращается к выразительному и живописному образу сибирской реки, которая атрибутивно и функционально связана с мотивами *труда* («Охота», «Осень», «Стройка бани»), *новой жизни* («Ледоход»), *спасения* («Полёт совы»), *наставничества* («Тойота-креста»), *родства* («Ложка супа», «Енисей, отпусти»). Топос Енисея в поэтике современного сибирского писателя рассматривается как граница / переправа между городом и деревней («Петрович», «Вековечно», «Фундамент»), связан с идеей преодоления власти пространства («Тойота-креста»). Жизнь на Енисее маркируется художником как «на краю студеного кратера» [Тарковский, 2014, с. 294]. Образ реки выписан и осмысливается автором не только в прямом значении, но и метафорически. Помимо водного пространства или географической границы, Енисей наделяется семантикой перехода в инобытие («Енисей, отпусти!», «Фундамент»). Одновременно река изображается автором как живое существо, с этим архетипом неизменно связывается идея родственной близости. Например, Енисей выступает как «старший брат» («Ложка супа»): «<...> тихо плескался Енисей у ног. Плескался, как близкое существо, как старший брат, с которого берут пример, по которому ровняют свою жизнь <...> у которого учатся <...> И Парень шел, потрагивая Енисей веревкой и зная, что связан с ним этой веревкой навсегда» [Тарковский, 2014, с. 237]. Избранных Енисей «берет на духовное иждивение» («Енисей, отпусти»), выбираясь из города, словно в рай, «постепенно забирает душу» исполняющих праведно завет и сохраняющих отцовское наследие. В романе «Тойота-Креста» — этапном произведении писателя — этот мотив усиливается: сибирской реке принадлежит роль

батюшки-исповедника, к которому приходят причаститься, отвести душу. Функционально река играет значительную роль в формировании пейзажа («Осень», «Туристы»), трансформации образов героев — их становлении и взрослении («Васька», «Бабушкин спирт», «Ложка супа»).

3.2. Деревня и город, Сибирь vs. столица: к проблеме центра и периферии

В литературном творчестве М. Тарковского акцентируется внимание на важнейшей антиномии, присущей текстам «деревенской прозы» — *деревня / город*. Об основных концептах и поэтике этого литературного направления основательно размышляет К. Партэ — западная славистка, исследовательница русской традиционной прозы — в монографии «Русская деревенская проза: светлое прошлое» [Партэ, 2004].

В художественной прозе М. Тарковского противостояние городского и деревенского сохраняется, однако лишено глубинного трагизма, отличающего классическую традиционалистскую прозу — произведения В. Шукшина («Сельские жители»), В. Распутина («Последний срок», «Прощание Матёрой»), В. Астафьева («Последний поклон»). Городское пространство необходимо современному автору как некий «социокультурный негатив», в своих произведениях писатель разворачивает целый спектр антиурбанистических мотивов: город представлен как *обман, иллюзия, наваждение*, здесь герой испытывает тяжёлые чувства (от страха до усталости, внутреннего опустошения, растерянности). В ряде произведений автора («Замороженное время», «Фундамент», «Петрович», «Енисей, отпусти!») город представлен Другим, иным, где герой должен самоутвердиться заново, познать себя.

Отъезд героев М. Тарковского в город, уход из деревни рассматривается как подготовка к «другой», «чужой» жизни (чаще окрашенной в атмосферу пошлости, стяжательства, шутовства), что для избранных персонажей мучительно, требует затем искупления. Такой акцент характерен для многих произведений писателя («Стройка бани», «Замороженное время», «Енисей, отпусти!», «Тойота-Креста», «Полёт совы»), однако в романе «Тойота-Креста» образ города усложняется, предпринимаются попытки «приятия» цивилизационного пространства через традиционные образы-проводники (образы православного храма, енисейской реки и дороги).

Мотив ухода / отъезда соотносится с проблемой личного выбора. Совершение жизненного выбора рассматривается М. Тарковским как этап взросления персонажа. В прозе писателя «другой» жизни ищут юные герои, жаждущие испытать себя, старики же остаются на своей земле, выступают «хранителями» традиций, «своего», деревенского мира. Отказ от патриархального быта или таёжного промысла воспринимается как неизменная черта кризисности. Город (или другое, по теории Ю. Лотмана, «не-

пространство») меняет облик, быт персонажей, как правило, превращая их в скитальцев, искателей приключений, которых открывшиеся дали зачастую порабащают («Петрович», «Замороженное время»).

Мотив испытания городом — один из ведущих в прозе М. Тарковского. С ним тесно связан мотив судьбы героев. Одни персонажи не находят оснований для дальнейшего существования в пределах цивилизации, но и не возвращаются домой, что свидетельствует о разрыве с домом, традицией, родовой памятью и культурой («Стройка бани»). Другие «испытываются» цивилизацией, что усиливает чувство сопричастности отеческой земле («Петрович», «Енисей, отпусти!», «Замороженное время»). Город в произведениях писателя представляется не только как место «мнимой» самореализации или самоутверждения, но и как пространство, где у сильных, волевых героев появляется возможность заработать себе на хлеб, проверить себя, обрести новую профессию, опыт. Охотники нередко уезжают в город, чтобы продать пушнину, рыбу, обменять хозяйственно-бытовые инструменты, наконец, приобщиться к высокой культуре, стать частью истории. Надежность техники, которую везут из города, обеспечивает выживание в суровых условиях тайги, что подчеркивает необходимость диалога между мирами, потребность их взаимообогащения, о чем свидетельствовал В. Шукшин.

Конфликт центра и периферии намечен в рассказе «С высоты». В истории писательской судьбы Игната Кузнецова показано, как Москва забирает книги, испытывает славой, порабащает человеческую душу; Сибирь же, напротив, призывает героя вернуться, чтобы «копить опыт души», наживать мудрость.

В романе «Гойота-креста» Москва как прозападная территория противостоит остальному «восточному» миру — Сибири и Дальнему Востоку. Указанная антиномия на сюжетно-образном уровне повествования отражена во второй части произведения, когда Евгений Барковец, главный герой романа, приезжает в Москву. Столица оказывается чужда герою: «везде царила затрапезная ничейность мировой провинции» [Тарковский, 2016, с. 86]. Европейский город рисуется как «стальной», «гранитный», «стеклянный». Москва-река в сознании героя представлена «запутавшей», «в полуталом перепутье». Женя не принимает столицу: «...тревожно, остро и зияюще пусто было на душе от неподъемности этого города» [Тарковский, 2016, с. 86]. Встреча с московским храмом меняет отношение героя к столице, что заметно выражается на идейном уровне: «Это был родной и старший брат енисейского монастыря» [Тарковский, 2016, с. 164]. Здесь, у монастыря, московская земля заговорила «понятным языком». Писатель неслучайно вводит данный художественный образ: монастырь — про-

странство духовного единения. Примечательно и то, что обращен храм лицом к востоку, словно ведет диалог с енисейским храмом. Ситуация ссоры и последующий сюжет расставания с возлюбленной сопровождается описанием опустевшей, одинокой Москвы, будто лишившейся сокровенного. Барковец оставляет любимую, продает «кресту», отправляется в обратный путь — в Сибирь.

Автор усиливает поэтику раздвоенности, показывает судьбу Евгения на перепутье: он «лежал меж ними пластом, и вставали горы по правую руку, и лежала по левую равнина с болотняками» [Тарковский, 2016, с. 122]. Символически эта сцена отсылает к евангельским мотивам: фигура героя словно соотносится с образом распятого Христа, по правую сторону которого находился праведный мир, по левую — грешный. Возвращение героя в Сибирь (на границу между западом и востоком) воплотит авторскую идею о том, что Россия осталась на распутье, однако писатель проводит мысль о духовном единении народа. Так вводится тема сохранения исторического предназначения сибирской земли — воссоединения русского народа. Как России суждено соединить в мировом сообществе Запад и Восток, так и Сибири (внутри самой России) принадлежит скрепить Москву с остальным русским миром. Сюжет возвращения трех братьев на Родину подчеркивает авторскую интенцию — призыва русского народа к объединению. Мотив отчего дома выражается сыновним почтением и преданной любовью. Главный герой обретает дом-Сибирь, выступающий аналогом Руси-хранительницы.

3.3. Образ литературного героя

Уже в ранней прозе писателя намечен принципиально новый для традиционалистской прозы тип героя, который совершает «обратный» путь — из города в сибирскую деревню или тайгу, что контрастирует с жизнеустроительными моделями молодых персонажей «деревенской прозы» («Характеры» В. Шукшина; «Людочка» В. Астафьева; «Последний срок», «Прощание с Матёрой» В. Распутина), покинувших деревенскую обитель и отправившихся в город в поисках собственного удела.

Сюжетное перемещение персонажей из одного художественного пространства в другое обуславливает типологию героев (патриархальный тип, маргинал, интеллигент), каждый из которых находит жизненное предназначение в городе, деревне или тайге. Изменение художественного пространства и трансформация героя в прозе М. Тарковского формируют логику его художественной прозы, продиктованную, в свою очередь, биографическим опытом писателя. Согласимся с утверждением Н. Ковтун, верно подметившей, что город и деревня «описываются без экзальтации», комфортность городского бытия «не вызывает чувства вины перед наро-

дом, свойственного русской интеллигенции»; деревня «не утопизируется и не оплакивается» жителями [Ковтун, 2017, с. 43]. Тайга становится тем идиллическим пространством, где совершается посвящение героя-интеллектуала в тайны бытия и природы.

Хранитель традиции. Выразителями авторской идеологии в художественной картине мира М. Тарковского являются герои патриархального сознания, оставленные судьбой на перепутье истории, но не утратившие в себе естественность, простоту, мудрость в понимании и приятии жизни. В литературных сюжетах писателя встречается природный пахарь («Енисей, отпусти», «Стройка бани»), герой-праведник («Бабушкин спирт», «Ложка супа»), наставник («Васька», «Вековечно»). В повести «Стройка бани» образ Иваныча — опытного, закоренелого мужика — маркируется канонически, подсвечен приметам богатыря: «...крепкий, как краж, большегубый, курносый, с твердым нависающим чубом, с мясистым, как бы надвое, рассеченным лицом <...> рядом лежала такая же крепкая и мясистая его рука, темная и тяжелая загорелая кисть, даже в расслабленном состоянии стянутая мышцами и мозолями и похожая на клешню, все будто продолжающую сжимать рукоятку молотка или топориче» [Тарковский, 2014, с. 140]. Посвятивший жизнь беззаветному служению земле и дому, старик обретает великое знание в собственном ремесле. Автор весьма предусмотрителен в описании художественных сцен возведения бани, для него достаточно важно, как старик тешет бревна, кладет венцы, заливает фундамент, лихо управляясь с рабочими инструментами. Первостепенным для Иваныча оказывается исполнить завет, передать мастеровой опыт, учение по наследству единственному сыну, который не думает возвращаться обратно в деревню. Повесть пронизана ностальгическими мотивами; в пределах литературного повествования утверждается образ героя, олицетворяющего патриархальную Русь.

Маргинальный герой. Кризис национальной идентичности, мотив расшатывания дома / деревни, намеченные в уже в ведущих текстах «деревенской прозы», обозначат в поэтике М. Тарковского героя-маргинала: алкоголиков («Бабушкин спирт», «Ложка супа»), чудака («Дед», «Вековечно»), странника («Петрович»), юродивого («Фундамент»). Герои, утратив опору в пространстве, ищут тайну в иных измерениях: в изменчивости времени, стремлении к вечности. Зачастую фигуры персонажей очерчены условно, схематически: они лишены приемлемых жизненных ориентиров, брошены на произвол судьбы; утрачена их связь с прежними поколениями. Вослед предшественникам — В. Распутину, В. Астафьеву, Б. Екимову — писатель показывает, что в ситуации расшатавшегося и гибнущего Дома *путь* вполне оправданно «становится общей судьбой

человечества» (Н. В. Ковтун). Контекстуально наглядна судьба бездомного Ваньки («Фундамент») — бродяги, «невнятно торчащего» в пьяной компании, которого интеллигент Федор берет с собой возводить фундамент дома. Образ попутчика динамичен: от Иванушки-дурачка, шатуна, изгоя он преобразуется, метафорически воссоздается фигура юродивого: «... он напоминал слепого лирника или гусяря, пришедшего из бездонной старины опеть-оплакать нашу глупую пору» [Тарковский, 2014, с. 116]. Возведение дома — души Мира / Вселенной — как инициация свидетельствует о духовной трансформации героя, который, несмотря на свое бедствующее положение, отказывается от денег за выполненную физическую работу.

Однако необходимо отметить, что положение пограничных персонажей в художественном мире М. Тарковского менее драматично, чем в произведениях «деревенской прозы». В авторской прозе герои находят собственное спасение в игре («Дед»), в труде («Бабушкин спирт»), в единении с природой («Ложка супа»), в помощи окружающим («Фундамент»), наконец, в странствиях («Петрович»), когда открывается перспектива самопознания.

Биография охотника / промысловика — сокровенного героя прозы Тарковского — начинается в Бахте — таежном поселении на севере Красноярского края. В сознании художника деревня рисуется особенным пространством, где время циклично, человек еще верен традиции и оценивается исключительно по труду. Мотив обетованности тайги подчеркивается уже в ранних рассказах писателя («Васька», «Вековечно», «Лес»), в зрелых повестях («Енисей, отпусти», «Шыштындыр») природа наделяется утопическими чертами. Тайга как сакральное пространство отделена от прочих земель — вход туда осуществляется для избранных. Облик охотника символически наделен чертами, изначально присущими и патриархальному типу, он тесно связан с образом пахаря. Герой, выполняя крестьянскую работу, совмещает ее с основным родом деятельности — ловит рыбу, увлекается охотой, занимается обустройством таежного пространства, овладевает орудиями труда (баргуза, гагарка, кулёмка, пазовка, печурка, пялка, тозовка), в общении применяет профессиональную, диалектную лексику (*быгать, обрезать, осеновать, оснять соболя* и др.).

В более поздних произведениях заметно усиливается роль и значение автобиографического героя — героя - интеллектуала, непосредственно выражающего авторское «Я» в лице рассказчика / повествователя. С этой фигурой связана *идея единения* важнейших сибирских пространств — тайги, города и деревни, в каждом из которых персонаж ищет жизненное предназначение, открывая себя для писательского творчества

(«Охота»), любви и дружбы («Таня»), взаимопомощи и поддержки («Ледоход», «Фундамент»), интересных знакомств («Туристы»). Становление культурного героя обусловлено биографическим опытом писателя, покинувшего цивилизацию во имя уединенной жизни в сибирской тайге, что в целом и отразилось на идеологии авторской картины мира М. Тарковского. Писательство и охота становятся главным делом жизни и автора и его героев: труд сакрализован, и обращение к книге в пределах тайги считается ненужным, избыточным [Степанова, 2017]. В рассказе «Осень» наблюдаем: рассказчик во время путешествия по реке лишается любимых книг, уложенных им вместе с пульками и батарейками в огромный сундук — герой осознает, что они «просто оказались лишними» на лодке [Тарковский, 2014, с. 80]. Так восстанавливается гармония в русской национальной культурной модели — герой из столичного общества, русский интеллигент с неуспокоенной душой, в труде интеллектуальном и физическом объединяется с русскими мужиками-охотниками в пространстве Сибири, тайги.

4. Заключение = Conclusions

Итак, изучение сибирского текста — одно из знаковых направлений современного отечественного литературоведения. В академической традиции, как мы пытались показать, обнаружена трансформация исследовательских взглядов и подходов в понимании данного феномена: от восприятия Сибири как лиминального / инфернального пространства, топоса инициации к осознанию её как «благословенной земли» в ряде художественных текстов второй половины XX — рубежа XXI веков.

Поэтика М. Тарковского в контексте изучения сибирского текста — достаточно любопытное и заметное явление в современной литературной традиции, продиктованное жизненным опытом писателя, его переездом из столицы в Сибирь.

Сюжетное перемещение героев в его творчестве организует несколько жизнестроительных моделей. Писатель, апеллируя к традициям «деревенской прозы», воссоздает идиллическую модель мироздания, воплощенную главным образом в хронотопе сибирской тайги, которая явлена «счастливым пространством» (Г. Башляр) и представлена многогранно: и как пространство труда, и как место исповедания, и как пределы, в которых возможна инициация. Колоритность повествованию придает хронотоп Енисея, наделенный мифопоэтической семантикой. Примечательно атрибутивное и функциональное наполнение отмеченного образа: от границы / переправы до значения сибирской реки как брата, наставника, «души Универсума».

Нами проанализирован образ литературного героя в прозе писателя. Отправление литературного героя к пределам Сибири, в тайгу — к «чи-

стым» и «неизведанным землям» (К. Чистов) — обусловлено внутренним порывом, желанием вновь обратиться к земле, соприкоснуться с почвой, живой водой — открыть основы существования. Герои М. Тарковского постоянно находятся в пути. Дорога для них — особое пространство; повествователь словно замирает на перекрестке, дорога становится устойчивым топосом («будто на века»).

Установлено, что в ранних текстах М. Тарковского представлен патриархальный тип и герой-охотник, в зрелых текстах писатель обращается к «пограничным» персонажам, в более поздних усиливается роль фигуры интеллектуала как отражения *ego* самого автора. Наделенные даром смирения, прозрения и добродетели, готовые к испытаниям, они свидетельствуют об исторических переменах и потрясениях, преодоление которых, видимо, и станет задачей нового культурного героя, способного ответить на вызов истории.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *Гребенщиков Г. Д.* Моя Сибирь / Г. Д. Гребенщиков. — Барнаул : Издательство АлтГУ, 2002. — 214 с. — ISBN 5-7904-0218-6.
2. ЛЭТП — *Литературная* энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. — Москва : НПК «Интелвак», 2001. — 1600 с. — ISBN 5-93264-026-X.
3. ЛЭС — *Литературный* энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Коженикова и П. А. Николаева. — Москва : Советская энциклопедия, 1987. — 751 с.
4. *Распутин В. Г.* Собрание сочинений : в 3 т. / В. Г. Распутин. — Москва : Молодая гвардия : Вече-АСТ, 1994. — Т. 3. — 493 с. — ISBN 5-235-02227-0.
5. *Тарковский М. А.* Замороженное время / М. А. Тарковский. — Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. — 416 с. — ISBN 5-8402-0227-4.
6. *Тарковский М. А.* Избранное / М. А. Тарковский. — Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2014. — 496 с. — ISBN 5-8402-0336-3.
7. *Тарковский М. А.* Тойота-Креста / М. А. Тарковский. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — ISBN 5-8402-0336-3.

Литература

1. *Алтайский* текст в русской культуре : сборник статей / Под ред. М. П. Гребневой. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2015. — Выпуск 6. — 444 с. — ISBN 978-5-7904-2020-7.
2. *Анисимов К. В.* Парадигматика и синтагматика сибирского текста русской литературы / К. В. Анисимов // Сибирский текст в русской культуре : сборник статей; Под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебренникова. — Томск : ТГУ : Томский МИОН, 2007. — Выпуск 2. — С. 60—76. — ISBN 978-5-7511-1795-5.
3. *Анисимов К. В.* Проблемы поэтики Сибири XIX — начала XX века : особенности становления и развития региональной литературной традиции : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / К. В. Анисимов. — Томск, 2005. — 344 с.

4. *Анисимов К. В.* Два века две грани сибирского текста : областники vs. «деревенщики» / К. В. Анисимов, А. И. Разуvalова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2014. — № 1 (27). — С. 75—101.
5. *Бахтин М. М.* Эпос и роман / М. М. Бахтин. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 305 с. — ISBN 5-267-00273-9.
6. *Богузил Т. А.* Региональная литература : Сибирь, Алтай, Барнаул / Т. А. Богузил. — Барнаул : АлтГПУ, 2017. — 69 с. — ISBN 978-5-88210-868-6.
7. *Брюханова Ю. М.* Сибирь : попытка современной рефлексии / Ю. М. Брюханова // Литература Сибири : рефлексия и саморефлексия : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 24—25 октября 2024 года. — Иркутск : Иркутский государственный университет, 2025. — С. 9—15. — ISBN 978-5-9624-2358-6.
8. *Вальянов Н. А.* Поэтика М. А. Тарковского : проблема хронотопа и образ героя : монография / Н. А. Вальянов. — Москва : Флинта, 2020. — 224 с. — ISBN 978-5-00102-363-3.
9. *Габдуллина В. И.* «Сибирский текст» Достоевского : образ провинции / В. И. Габдуллина // Культура и текст. — 2016. — № 3. — С. 93—106.
10. *Габдуллина В. И.* Мотив «возрождение Сибирью» в эпистолярном, художественном и публицистическом дискурсе Достоевского / В. И. Габдуллина // Алтайский текст в русской культуре : сборник статей; под ред. М. П. Гребневой. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2015. — С. 86—98. — ISBN 978-5-7904-2020-7.
11. *Геопоэтика писателей Сибири и Алтая : сборник научных статей / Отв. ред. А. И. Куляпин.* — Барнаул : АлтГПУ, 2016. — 168 с. — ISBN 978-5-88210-836-5.
12. *Горбенко А. Ю.* «Особый путь» литературы Сибири? (опыт реконструкции историософских и литературно-критических источников сибирского областничества) / А. Ю. Горбенко // Сибирский филологический журнал. — 2023. — № 2. — С. 98—111. — DOI: 10.17223/18137083/83/8.
13. *Замятин Д. Н.* Метагеография : пространство образов и образы пространства / Д. Н. Замятин. — Москва : Аграф, 2004. — 512 с. — ISBN 5-7784-0237-6.
14. *Ковтун Н. В.* «Деревенская проза» в зеркале утопии : монография / Н. В. Ковтун. — Новосибирск : Из-во СО РАН, 2009. — 494 с. — ISBN 978-5-7692-1013-6.
15. *Ковтун Н. В.* Малая проза М. Тарковского в контексте «нового реализма» / Н. В. Ковтун // Гуманитарный вектор. — 2019. — Выпуск 14. — № 5. — С. 39—50. — DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-39-50.
16. *Ковтун Н. В.* Русская традиционалистская проза XX—XXI веков : генезис, мифопоэтика, контексты / Н. В. Ковтун. — Москва : Флинта : Наука, 2017. — 595 с. — ISBN 978-5-9765-3330-1.
17. *Ковтун Н. В.* «Сибирский текст» в прозе второй половины XX века (на материале романа С. Зальгина «Комиссия») / Н. В. Ковтун // Литература Урала : история и современность. — 2008. — Выпуск 4. — С. 102—111.
18. *Комаров С. А.* Литература Сибири : миссия, этничность, аксиология : монография / С. А. Комаров, О. К. Лагунова. — Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2016. — 197 с. — ISBN 978-5-400-01156-6.
19. *Лотман Ю. М.* Сюжетное пространство русского романа XIX столетия / Ю. М. Лотман // В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — Москва : Просвещение, 1988. — С. 325—348. — ISBN 5-09-000544-3.
20. *Макарова Е. А.* Сибирь Чехова и Сибирь о Чехове : к проблеме диалога русско-европейского и регионального сознания / Е. А. Макарова // Чехов и время. Серия

«Русская классика : исследования и материалы» / Под ред. Е. Г. Новиковой. — Томск : Издательство Томского университета, 2011. — С. 261—279. — 978-5-7511-2042-9.

21. *Маркина П. В.* Мифопоэтические образы и мотивы в книге Г. Д. Гребенщикова «Моя Сибирь» / П. В. Маркина // Геопоэтика писателей Сибири и Алтая : сборник научных статей. — Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2016. — С. 96—102. — ISBN 978-5-88210-836-5.

22. *Митрофанова А. А.* Идиллия Михаила Тарковского / А. А. Митрофанова // Современность в зеркале рефлексии : язык — культура — образование. — Иркутск : Иркутский государственный университет, 2009. — С. 432—438. — ISBN 978-5-9624-0330-4.

23. *Партэ К.* Русская деревенская проза : светлое прошлое / К. Партэ ; пер. И. М. Чеканниковой и Е. С. Кирилловой. — Томск : Издательство Томского университета, 2004. — 204 с. — ISBN 5-7511-1851-0.

24. *Плеханова И. И.* Александр Вампилов и Валентин Распутин : диалог художественных систем : монография / И. И. Плеханова. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. — 329 с. — ISBN 978-5-9624-1344-0.

25. *Разувалова А. И.* «Сибирский текст» в прозе В. П. Астафьева (к постановке проблемы) / А. И. Разувалова // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве : коллективная монография / Отв. ред. К. В. Анисимов. — Москва : ФЛИНТА, 2014. — С. 191—212. — ISBN 978-5-7638-1923-6.

26. *Разувалова А. И.* Писатели-«деревенщики» : литература и консервативная идеология 1970-х годов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2015. — 616 с. — ISBN 978-5-4448-0285-4.

27. *Рыбальченко Т. Л.* Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX века / Т. Л. Рыбальченко // Сибирь : Взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. — Иркутск : Иркутский МИОН, 2004. — С. 291—303. — ISBN 5-7430-0793-4.

28. *Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве : монография / отв. ред. К. В. Анисимов.* — Красноярск : СФУ, 2010. — 236 с. — ISBN 978-5-7638-1923-6.

29. *Степанова В. А.* Хронотоп прозы М. Тарковского : переосмысление традиционализма / В. А. Степанова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. — 2017. — № 1 (39). — С. 216—222.

30. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное / В. Н. Топоров. — Москва : Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995. — С. 259—367. — ISBN 5-01-003942-7.

31. *Тюпа В. И.* Мифологема Сибири : к вопросу о сибирском тексте русской литературы / В. И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. — 2002. — № 1. — С. 27—35.

32. *Тюпа В. И.* Сибирский интертекст русской литературы / В. И. Тюпа // Анализ художественного текста. — Москва : Academia, 2006. — С. 254—264. — ISBN 5-7695-2466-9.

33. *Тюпа В. И.* Мифопоэтика сопряжения художника и жизни / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник. — 2011. — № 3 (18) — С. 122—137.

34. *Цветова Н. С.* Традиционная проза второй половины XX : сюжеты, герои, поэтика / Н. С. Цветова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2007. — 102 с. — ISBN 943-5-5684-5531-1.

35. *Цветова Н. С.* Русская традиционная проза второй половины XX века как историко-литературный феномен / Н. С. Цветова // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. — 2018. — № 2. — С. 66—71.

36. Янушкевич А. С. Сибирский текст : взгляд извне и изнутри / А. С. Янушкевич // Сибирь : взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. — Иркутск : Иркутский МИОН, 2004. — С. 227—235. — ISBN 5-7430-0793-4.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025,
одобрена после рецензирования 05.02.2026,
подготовлена к публикации 06.04.2026.

Material resources

- Grebenshchikov, G. D. (2002). *My Siberia*. Barnaul: AltGU Publishing House. 214 p. ISBN 5-7904-0218-6. (In Russ.).
- LES — Kozhevnikov, V. M., Nikolaev, P. A. (eds.). (1987). *Literary encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 751 p. (In Russ.).
- LETP — Nikolyukin, A. N. (ed.). (2001). *Literary Encyclopedia of terms and concepts*. Moscow: NPK Intelvak. 1600 p. ISBN 5-93264-026-X. (In Russ.).
- Rasputin, V. G. (1994). *Collected works: in 3 volumes, 3*. Moscow: Molodaya Gvardiya: Veche-AST. 493 p. ISBN 5-235-02227-0. (In Russ.).
- Tarkovsky, M. A. (2009). *Frozen time*. Novosibirsk: Historical Heritage of Siberia. 416 p. ISBN 5-8402-0227-4. (In Russ.).
- Tarkovsky, M. A. (2014). *Favorites*. Novosibirsk: Historical Heritage of Siberia. 496 p. ISBN 5-8402-0336-3. (In Russ.).
- Tarkovsky, M. A. (2016). *Toyota Kresta*. Moscow: Publishing House “E”. 416 p. ISBN 5-8402-0336-3. (In Russ.).

References

- Anisimov, K. V. (2005). *Problems of poetics of Siberia of the XIX — early XX century: features of the formation and development of the regional literary tradition*. Doct. Diss. Tomsk. 344 p. (In Russ.).
- Anisimov, K. V. (2007). Paradigmatics and syntagmatics of the Siberian text of Russian literature. In: *Siberian text in Russian Culture: a collection of articles, 2*. Tomsk: TSU: Tomsk MION. 60—76. ISBN 978-5-7511-1795-5. (In Russ.).
- Anisimov, K. V. (ed.). (2010). *The Siberian text in the national plot space: a monograph*. Krasnoyarsk: SFU. 236 p. ISBN 978-5-7638-1923-6. (In Russ.).
- Anisimov, K. V., Razuvalova, A. I. (2014). Two centuries, two facets of the Siberian text: oblasts vs. “The hillbillies”. *Bulletin of Tomsk State University. Philology, 1 (27)*: 75—101. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (2000). *Epic and novel*. St. Petersburg: ABC. 305 p. ISBN 5-267-00273-9. (In Russ.).
- Bogumil, T. A. (2017). *Regional literature: Siberia, Altai, Barnaul*. Barnaul: AltGPU. 69 p. ISBN 978-5-88210-868-6. (In Russ.).
- Bryukhanova, Yu. M. (2025). Siberia: an attempt at modern reflection. In: *Literature of Siberia: reflection and self-reflection: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Irkutsk, October 24—25, 2024*. Irkutsk: Irkutsk State University. 9—15. ISBN 978-5-9624-2358-6. (In Russ.).
- Gabdullina, V. I. (2015). The motif “Rebirth by Siberia” in Dostoevsky’s epistolary, artistic and journalistic discourse. In: *Altai text in Russian culture: a collection of articles*. Barnaul: Altai University Press. 86—98. ISBN 978-5-7904-2020-7. (In Russ.).

- Gabdullina, V. I. (2016). Dostoevsky's "Siberian Text": the image of a province. *Culture and Text*, 3: 93—106. (In Russ.).
- Corbenko, A. Y. (2012). "A special way" of Siberian literature? (experience of reconstruction of historiographical and literary-critical sources of the Siberian regionalism). *Siberian Philological Journal*, 2: 98—111. DOI: 10.17223/18137083/83/8. (In Russ.).
- Grebneva, M. P. (ed.). (2015). *The Altai text in Russian culture: a collection of articles*, 6. Barnaul: Altai University Press. 444 p. ISBN 978-5-7904-2020-7. (In Russ.).
- Komarov, S. A., Lagunova, O. K. (2016). *Literature of Siberia: mission, ethnicity, axiology: a monograph*. Tyumen: Publishing House of Tyumen State University. 197 p. ISBN 978-5-400-01156-6. (In Russ.).
- Kovtun, N. V. (2008). "The Siberian text" in prose of the second half of the 20th century (based on S. Zalygin's novel "The Commission"). *Literature of the Urals: History and Modernity*, 4: 102—111. (In Russ.).
- Kovtun, N. V. (2009). *"Village prose" in the mirror of utopia: a monograph*. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 494 p. ISBN 978-5-7692-1013-6. (In Russ.).
- Kovtun, N. V. (2017). *Russian traditionalist prose of the XX—XXI centuries: genesis, mythopoeitics, contexts*. Moscow: Flint: Nauka. 595 p. ISBN 978-5-9765-3330-1. (In Russ.).
- Kovtun, N. V. (2019). The small prose of M. Tarkovsky in the context of "new realism". *Humanitarian vector*, 14 (5): 39—50. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-5-39-50. (In Russ.).
- Kulyapin, A. I. (ed.). (2016). *Geopoetics of writers of Siberia and Altai: a collection of scientific articles*. Barnaul: AltGPU. 168 p. ISBN 978-5-88210-836-5. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1988). The plot space of the Russian novel of the XIX century. In: *At the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol*. Moscow: Prosveshchenie Publ. 325—348. ISBN 5-09-000544-3. (In Russ.).
- Makarova, E. A. (2011). Chekhov's Siberia and Siberia about Chekhov: towards the problem of dialogue between Russian-European and regional consciousness. In: *Chekhov and Time. The series "Russian Classics: research and materials"*. Tomsk: Tomsk University Press. 261—279. - 978-5-7511-2042-9. (In Russ.).
- Markina, P. V. (2016). Mythopoeitic images and motifs in G. D. Grebenshchikov's book "My Siberia". In: *Geopoetics of writers of Siberia and Altai: a collection of scientific articles*. Barnaul: Altai State Pedagogical University. 96—102. ISBN 978-5-88210-836-5. (In Russ.).
- Mitrofanova, A. A. (2009). The Idyll of Mikhail Tarkovsky. In: *Modernity in the mirror of reflection: language — culture — education*. Irkutsk: Irkutsk State University. 432—438. ISBN 978-5-9624-0330-4. (In Russ.).
- Parte, K. (2004). *Russian village prose: a bright past*. Tomsk: Tomsk University Press. 204 p. ISBN 5-7511-1851-0. (In Russ.).
- Plekhanova, I. I. (2016). *Alexander Vampilov and Valentin Rasputin: a dialogue of artistic systems: a monograph*. Irkutsk: IGU Publishing House. 329 p. ISBN 978-5-9624-1344-0. (In Russ.).
- Razuvalova, A. I. (2014). "The Siberian text" in the prose of V. P. Astafiev (towards the formulation of the problem). In: *The Siberian text in the national plot space: a collective monograph*. Moscow: FLINTA. 191—212. ISBN 978-5-7638-1923-6. (In Russ.).
- Razuvalova, A. I. (2015). *Writers—"hillbillies": literature and conservative ideology of the 1970s*. Moscow: New Literary Review. 616 p. ISBN 978-5-4448-0285-4. (In Russ.).

- Rybalchenko, T. L. (2004). Mythologemes of the image of Siberia in Russian prose of the second half of the 20th century. In: *Siberia: A view from the outside and from the inside. The spiritual dimension of space*. Irkutsk: Irkutsk MION. 291—303. ISBN 5-7430-0793-4. (In Russ.).
- Stepanova, V. A. (2017). Chronotope of M. Tarkovsky's prose: rethinking traditionalism. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev*, 1 (39): 216—222. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995). *Myth. The ritual. Symbol. Image. Research in the field of the mythopoeic. Favorites*. Moscow: Progress Publishing Group — Kultura. 259—367. ISBN 5-01-003942-7. (In Russ.).
- Tsvetova, N. S. (2007). *Traditional prose of the second half of the twentieth century: plots, heroes, poetics*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. 102 p. ISBN 943-5-5684-5531-1. (In Russ.).
- Tsvetova, N. S. (2018). Russian traditional prose of the second half of the 20th century as a historical and literary phenomenon. *Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism*, 2: 66—71. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2002). The mythologeme of Siberia: on the question of the Siberian text of Russian literature. *Siberian Philological Journal*, 1: 27—35. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2006). The Siberian intertext of Russian literature. In: *Analysis of literary text*. Moscow: Academia. 254—264. ISBN 5-7695-2466-9. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2011). Mythopoeitics of the conjugation of the artist and life. *New Philological Bulletin*, 3 (18): 122—137. (In Russ.).
- Valyanov, N. A. (2020). *M. A. Tarkovsky's poetics: the problem of chronotope and the image of the hero: a monograph*. Moscow: Flinta. 224 p. ISBN 978-5-00102-363-3. (In Russ.).
- Yanushkevich, A. S. (2004). Siberian text: a view from the outside and from the inside. In: *Siberia: a view from the outside and from the inside. The spiritual dimension of space*. Irkutsk: Irkutsk MION. 227—235. ISBN 5-7430-0793-4. (In Russ.).
- Zamyatin, D. N. (2004). *Metageography: the space of images and images of space*. Moscow: Agraf. 512 p. ISBN 5-7784-0237-6. (In Russ.).

*The article was submitted 30.09.2025;
approved after reviewing 05.02.2026;
accepted for publication 06.04.2026.*